

Ewa Sadzińska

Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej
90-236 Łódź
ul. Pomorska 171/173

Петербургская лирика Александра Кушнера в системе сверхтекста русской литературы

Статья посвящена феномену сверхтекста, его характеристике и классификациям. Особое внимание уделяется Петербургскому тексту Александра Кушнера. Рассматриваются ключевые для данного сверхтекста образы и их репрезентации в лирике Кушнера, а также делается попытка определить характер диалога со сложившейся литературной традицией.

Ключевые слова: сверхтекст, Петербургский текст, миф, Александр Кушнер, диалог.

Alexander Kushner's Petersburg Poems in the Supertext-System of Russian Literature

The paper is devoted to the phenomenon of a supertext, its characteristics and typology. Particular attention is paid to the 'Petersburg text' in the oeuvre of Alexander Kushner. The author analyzes key images of the 'Petersburg text' in Russian literature and their representations in the poetry of Kushner, trying to determine the nature of his dialogue with the earlier literary tradition.

Keywords: supertext, Petersburg text, myth, Alexander Kushner, dialogue.

В последние годы в научной литературе наблюдается все возрастающий интерес к изучению больших текстовых структур, включающих в себя систему взаимосвязанных субтекстов. К такого рода образованиям относятся сверхтексты, рассматриваемые как культурно-языковые феномены, в которых не только обретают подлинный смысл все языковые реалии, но и отражаются в них менталитет и сознание народа¹. В современной науке существуют различные подходы к изучению сверхтекстов и соответственно

¹ См.: О. С. Шурупова, *К вопросу о сверхтексте*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2012, № 7 (18), часть 1, с. 225.

– несколько их классификаций². В данной статье под этим термином, вслед за Н. Е. Меднис, мы понимаем «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью»³. Каждый из них обладает своими особенностями и вносит в общее звучание сверхтекста свою ноту⁴. Согласно В. Н. Топорову, в основе текстов, способных объединяться в целостный «надтекст», лежит единая мифотектоника, характерная для всех его составляющих, т. е. некий мифологический субстрат, культурный код, согласно которому во всех составляющих его изображается данный интенциональный объект⁵.

Таким образом, сверхтекст предстает в качестве важной составляющей каждой культуры. Как отмечает Н. Е. Меднис, уже «сам факт образования какого-либо сверхтекста можно воспринимать как неоспоримый знак культурной “силы” реалий, этот сверхтекст породивших. Сверхтекст не только отмечает некие высшие точки литературы и культуры, но и формирует вокруг этих точек обширное поле смыслов, обеспечивающее гениальным явлениям полноту жизни в веках»⁶.

Предложенная Меднис дефиниция сверхтекста восходит, как известно, к трудам В. Н. Топорова и работам Ю. М. Лотмана⁷, посвященным Петербургскому тексту, которые и положили начало изучению локальных/городских сверхтекстов. Они опирались на концептуальные семиотические представления о городе как о феномене культуры. Петербургский текст

² В основе типологии сверхтекстов разные критерии: 1) по степени известности среди носителей культуры выделяются актуальные, актуализированные и потенциальные сверхтексты; 2) по признаку общности референта – тематические: локальные, именные, событийные; 3) по общности признака родовой, видовой, стилиевой принадлежности интегрируемых текстов – однотипно и неоднотипно структурированные сверхтексты; 4) с точки зрения наличия автора и его роли в формировании сверхтекста можно говорить о собственно авторских (а) индивидуально-авторских; б) коллективно-авторских; в) анонимно-авторских] и квазиавторских сверхтекстах – типология Н. А. Купиной и Г. В. Битенской: *Сверхтекст и его разновидности*, [в:] *Человек – Текст – Культура: коллективная монография*, под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой, Екатеринбург 1994, с. 214–233.

³ Н. Е. Меднис, *Феномен сверхтекста*, [Электронный ресурс] <http://www.megansk.ru> [режим доступа: 12.10.2014]. Среди других критериев сверхтекста упомянутыми выше исследователями выделяются: кросс-жанровость, семантическая связность, открытость (подразумевающую одновременно устойчивость и подвижность границ сверхтекста) и синхроничность.

⁴ См.: О. С. Шурупова, *К вопросу о сверхтексте...*, с. 226.

⁵ В. Н. Топоров, *Петербург и «Петербургский текст русской литературы»*, [в:] он же, *Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического*, Москва 1995, с. 264, 270. См. также: О. С. Шурупова, *К вопросу о сверхтексте...*, с. 225–226.

⁶ Н. Е. Меднис, *Феномен сверхтекста...*

⁷ Ю. М. Лотман в статье *Символика Петербурга и проблемы семиотики города*, [в:] он же, *История и типология русской культуры*, Санкт-Петербург 2002, <http://uchebnikfree.com/kultura/simvolika-peterburga-problemyi-semiotiki-31373.html> [режим доступа: 12.10.2014].

понимался учеными как культурное пространство города в целом, а не только совокупность литературных произведений.

Значимость концепции «петербургского текста» Топорова для теории сверхтекста оказалась существенной. В своей основополагающей статье *Петербургский текст русской литературы* автор не только определил природу сверхтекста, обозначая методологический подход к его осмыслению и открывая перспективы дальнейшего его изучения. Осмысление Петербургского текста, продолженное впоследствии Топоровым в ряде других его работ⁸, стало толчком для реконструкции и других сверхтекстов в русской литературе. На сегодняшний день в научной литературе выделены, описаны и изучены несколько их типов (кроме петербургского, венецианский, пермский, кавказский и др.), делаются попытки выявить все новые (московский, крымский, парижский, американский, элизийский, северный, сибирский как составляющая последнего и др.). Наряду с городскими (региональными) активно разрабатываются также другие сверхтексты – именные (например, пушкинский, блоковский, шекспировский, аполлоновский и др.), а также событийные⁹.

Изложенные выше теоретические положения приобретают особую важность для анализа составляющих Петербургского текста. В статье рассматриваются ключевые для этого сверхтекста образы и их репрезентации в лирике Александра Кушнера, – по определению Л. Е. Ляпиной – „самого «петербургского» из современных поэтов”¹⁰; делается также попытка определить характер диалога со сложившейся литературной традицией.

⁸ См.: В. Н. Топоров, *Петербургский текст русской литературы. Избранные труды*, Санкт-Петербург 2013.

⁹ См.: Н. Е. Меднис, *Сверхтексты в русской литературе: учебное пособие*, Новосибирск 2003; А. Г. Лошаков, *Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования*, [http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/11\(66\)/loshakov_11_66_100_109.pdf](http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/11(66)/loshakov_11_66_100_109.pdf) [режим доступа: 12.10.2014]; он же, *Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен*, Архангельск 2007; Е. А. Андриюкова, *«Московский текст» в творчестве И. Шмелева (период эмиграции)*, Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филолог. наук, Вологда 2013; Е. Ш. Галимова, *Северный текст в системе локальных (городских и региональных) сверхтекстов русской литературы*, http://narfu.ru/ifmk/cen_lab/ntext/files/galimova.pdf [режим доступа: 12.10.2014]; Е. А. Четвертных, *Элизийский текст в системе локальных сверхтекстов*, «Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки» 2010, № 1 (72), с. 19–25; Н. А. Белова, *«Парижский текст» в русской литературе первой половины XIX века (к постановке проблемы)*, «Вестник Югорского государственного университета» 2011, вып. 1 (20), с. 71–77; А. С. Прохорова, *Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века*, Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филолог. наук, Томск 2005; Е. С. Демичева, *«Шекспировский текст» в русской литературе второй половины XX – начала XXI в.*, Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филолог. наук, Волгоград 2008 и др.

¹⁰ Л. Е. Ляпина, *Мир Петербурга в русской поэзии: очерки исторической поэтики*, Санкт-Петербург 2010, с. 128.

Феномен Петербурга (Санкт-Петербурга–Петрограда–Ленинграда) привлекает русских художников слова, как известно, в течение нескольких столетий. В истории поэтического воплощения города Л. Е. Ляпина выделяет четыре крупных периода его восприятия; в каждом из них доминирует определенное ценностное отношение к нему. Первый, одический – период восхищения северной столицей. Второй – период признания в любви (открывает его Александр Пушкин в прологе к *Медному всаднику*: «Люблю тебя, Петра творенье...»). Затем период испытания, аксиологического кризиса отношений (от Некрасова к Блоку). Наконец, период «соединения города и героя, их взаимопрорастания»¹¹. Поэтическое творчество Кушнера представляет собой, по справедливому замечанию исследовательницы, последний, современный период в вершинном его проявлении¹².

Александр Кушнер дебютировал в 1960-е годы. С самого начала отличительными чертами его поэтической манеры стали: строгая графичность рисунка, тщательно отретениторованный вкус, сдержанность. Поэт начинал в рамках т.н. «петербургской поэтической школы». Как утверждает критик С. Чупринин,

[...] другой такой нет, как нет и другого такого города, учащего уравновешенности линейной дисциплиною своих проспектов и набережных, внушающего веру в порядок, строй, вкус дивною своею архитектурой, напоминающего, что ни шаг, об образцах и прецедентах¹³.

Кушнер глубоко прочувствовал историко-культурную ауру родного города. Как отмечает И. Б. Роднянская, «факты искусства, факты словесности с детства вошли в его [Кушнера – Э. С.] коренную картину мира»¹⁴, и впоследствии стали прочными ориентирами его духовного опыта. Петербургская тема стала затем магистральной в поэзии Кушнера.

«Поэтический мир Кушнера непредставим без петербургских мотивов, без города, в котором поэт, по его собственному выражению, „провел всю жизнь свою” и без которого он себя не мыслит»¹⁵. Еще в 1980-е годы упомянутый выше Чупринин в своем очерке *Александр Кушнер: под диктовку судьбы* отмечал, что

[...] никто не отдал цитадели Петра так много стихов и так много нежности, как поэт [Кушнер – Э. С.], то и дело приглашающий читателя: *Пойдем же вдоль Мойки, вдоль*

¹¹ Там же, с. 137.

¹² Там же.

¹³ С. Чупринин, *Александр Кушнер: под диктовку судьбы*, [в:] он же, *Крупным планом*, Москва 1983, с. 196.

¹⁴ И. Б. Роднянская, *Поэт меж ближайшим и вечным*, [в:] она же, *Художник в поисках истины*, Москва 1989, с. 159.

¹⁵ А. В. Кулагин, *«Я в этом городе провел всю жизнь свою...»: Поэтический Петербург Александра Кушнера*, Коломна 2014, с. 3.

Мойки..., как поэт, увидевший в Петербурге-Петрограде-Ленинграде тот «единственный город на свете, где можно и в горе прожить»¹⁶.

На эту особенность петербургской лирики Кушнера обращает внимание и Анатолий Кулагин, автор последней (второй) монографии о творчестве поэта. Исследователь, рассмотрев образ кушнеровского Петербурга, его основные составляющие, пришел к следующей интересной констатации:

Петербургский текст Кушнера поистине необъятен из-за того, что даже если в стихах не упомянуты ни сам город, ни конкретные его реалии, все же читатель, благодаря общей атмосфере творчества поэта, неизбежно ощущает их как петербургские [...] ¹⁷.

Так, в хронотопе «петербургских» стихотворений Кушнера используются опорные сигнатуры сверхтекста, относящиеся к природной, материально-культурной, духовно-культурной и исторической сферам.

По мнению Кулагина, петербургская тема началась у Кушнера с мотивов ирреальности, иллюзорности города¹⁸. В их основе лежит «петербургский миф», в котором и заключен особый нерв петербургской темы в русской культуре. Отголоски городской мифологии в лирике Кушнера звучат и в более поздних по времени написания стихотворениях. Особо продуктивными оказался в них ряд сквозных мотивов, составляющих мифологический код Петербургского текста в целом: петровские мотивы, мотив города-лабиринта, мотив сна, оппозиции верх–низ, естественное–искусственное (природа–культура), призрачное–прозрачное. Укажем на некоторые из них.

Вслед за своими предшественниками – поэтами, писателями – Кушнер ощущает «призрачность» Петербурга. Эффект иллюзорности города достигается в стихотворениях поэта разными способами: пересечением эпох, пространств, попытками увидеть глазами современного человека прошлое, увидеть прошлое сквозь сон. Ср.:

Как бы увиденный сквозь сон
Таится город как подарок [...] ¹⁹.

или:

Чего действительно хотелось,
Так это города во мгле,
Чтоб в небе облако вертелось
И тень кружилась по земле²⁰.

¹⁶ С. Чупринин, *Александр Кушнер...*, с. 198.

¹⁷ А. В. Кулагин, «Я в этом городе провел всю жизнь свою...», с. 4.

¹⁸ Там же, с. 5.

¹⁹ А. С. Кушнер, «С тобой, со мной...» (1964) – цит. по: А. В. Кулагин, «Я в этом городе провел всю жизнь свою...», с. 10.

²⁰ А. С. Кушнер, «Чего действительно хотелось...» (1963), [в:] он же, *Канва*, Ленинград 1981, <http://rupoem.ru/kushner/chego-dejstvitelno-xotelos.aspx> [режим доступа: 15.10.2014].

В стихотворениях Кушнера ощущению виртуальности города способствует и специфически петербургская (не)погода. Многообразные атмосферные проявления – облачность, туман, сырость, дождь, снег, метель, ветер, холод – являются, как известно, важной составляющей портрета Северной столицы. У Кушнера доминантами петербургского метеорологического пейзажа Кушнера выступают, как правило, снег, холод, метель и дождь²¹. Вот пример:

Снег подлетает к ночному окну,
Вьюга дымится.
Как мы с тобой угадали страну,
Где нам родиться!

Вьюжная. Ватная. Снежная вся.
Давит на плечи.
Но и представить другую нельзя
Шубу, полегче²².

Здесь, как и во многих других стихотворениях, наблюдается положительное восприятие метеорологии лирическим «Я». Со своего рода поэтизацией петербургской зимы имеем дело в стихотворении *Снег*. Ср.:

Ах, что за ночь, что за снег, что за ночь, что за снег!
Кто научил его падать торжественно так?
Город и все его двадцать дымящихся рек
Бег замедляют и вдруг переходят на шаг.
[...]
Ах, как бело, как черно, как бело, как черно!
Царственный-важный, парадный, большой снегопад (98–99).

В стихотворениях Кушнера погодно-метеорологические проявления, как правило, концентрируются – в отличие от многих произведений, входящих в Петербургский текст русской литературы – в положительной сфере. Именно через специфически петербургскую непогоду раскрывается для Кушнера красота его родного города (ср.: «[...] И болью в сердце отдается // Сырая эта красота»²³).

Восприятие Санкт-Петербурга Кушнером носит и характер сопоставления с другими городами, с Венецией в частности²⁴. Примером такого наложения

²¹ Мотивы холода, вьюги, метели вызывают обширный ассоциативный фон кушнеровской лирики, размывая ее лирическое пространство – см.: А. В. Кулагин, «Я в этом городе провел всю жизнь свою...», с. 66.

²² А. С. Кушнер, «Снег подлетает к ночному окну...», [в:] он же, *По эту сторону таинственной черты. Стихотворения. Статьи о поэзии*, Санкт-Петербург 2011, с. 45. В дальнейшем все цитаты из стихотворений Кушнера даются по этому изданию с указанием в скобках страницы.

²³ А. С. Кушнер, «С тобой, со мной...».

²⁴ Традиция сравнения Венеции с Санкт-Петербургом – важная составляющая и Венецианского текста русской литературы – подробнее об этом см.: Н. Е. Меднис, *Венецианский текст русской литературы*, [в:] Н. Е. Меднис, *Сверхтексты в русской литературе*,

пространств является стихотворение *Когда бы град Петров стоял на Черном море...* (1995). Приведем его полностью:

Когда бы град Петров стоял на Черном море,
 Когда бы царь в слезах прорвался на Босфор,
 Мы б жили без тоски и холода во взоре,
 По милости судьбы и к ней попав в фавор.
 В каналах бы тогда плескались nereиды
 Не так, как эта тварь в снегу и синяках,
 Не снились бы нам сны, не мучили обиды,
 И был бы здравый смысл в героях и богах.
 Когда бы град Петров с горы, как виноградник,
 Шпалерами сбегал к уступчатым волнам,
 Не идол бы взлетел над бездной, – Медный Всадник
 Не мчался б, приземлясь, по трупам, по телам.
 Тогда б ни топора под мышкой, ни шинели,
 Венеция б в веках подругой нам была,
 Лазурные бы сны под веками пестрели,
 Геракловы столбы, икаровы крыла (162).

В стихотворении обыгрываются ядерные составляющие петербургского мифа: выбор Петром Великим места для строительства города, Венеция как прообраз Петербурга, сочетание действительного и воображаемого, мотив сна²⁵. Поэт сопоставляет разные «сны», которые предопределены обликом и историко-культурной судьбой города: истинные петербургские, тяжелые, полные «обид» и «лазурные», отсылающие к античной мифологии. Оказывается, что если бы Петербург «стоял на Черном море»... – не было бы ни истории, ни культуры, ни литературы, отличающейся той «таинственной зыбкостью»²⁶.

Через миф осуществляется у Кушнера и диалог с русской классической литературой. Литературные реминисценции и прецеденты в процитированном стихотворении очевидны (*топор под мышкой, шинель, Медный всадник*): поэт отсылает к субтекстам Петербургского текста и их авторам.

В лирике Кушнера содержится опыт освоения и одновременно преодоления петербургского мифа. По справедливому замечанию А. Кулагина, современный поэт полемизирует с губительной метафизикой классического

<http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=9> [режим доступа: 20.12.2014]; А. Головачева, «Плывя в таинственной гондоле...» («Сны» о Венеции в русской литературе золотого и серебряного веков), «Вопросы литературы» 2004, № 6, <http://magazines.russ.ru/voplit/2004/6/> [режим доступа: 20.12.2014].

²⁵ О особой роли снов в Петербургском тексте см.: Р. Д. Тименчик, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян, *Сны Блока и «Петербургский текст» начала XX века*, [в:] *Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века»*, Тарту, 1975, с. 129–135, http://www.ruthenia.ru/skan_on_demand/Timenchik_Tsivian.pdf [режим доступа: 20.12.2014].

²⁶ Цитата из стихотворения Кушнера «О здание Главного штаба!..» (с. 15).

литературного образа города. К «петербургскому мифу» Кушнер в целом относится скептически: не трагизм вызывает у него, а вернее «веселое сознание», не лишенное иногда и иронической окраски²⁷. В своих стихотворениях на протяжении свыше пятидесяти лет поэт доказывает, что можно жить и любить в этом городе.

Образ Петербурга дополняется в стихотворениях Кушнера также за счет присутствия в них опознавательных знаковых реалий, относящихся к природной и материально-культурной сферам. Это прежде всего топографические детали: в его стихотворениях часто упоминаются улицы, площади, здания, памятники архитектуры, реки, каналы, (Петропавловская крепость, здание Главного штаба, Смольный собор, Эрмитаж и другие музеи; Нева, Мойка, Фонтанка).

Нельзя не отметить, что городской пейзаж у Кушнера наполнен бытовой конкретикой. Поэтика деталей, унаследованная поэтом у акмеистов, является отличительной чертой его манеры. Среди знаковых архитектурных деталей назовем шпиль, как характернейшую архитектурную примету Петербурга (ср.: «...И лишь на здании прекрасном // Шпиль невысокий пламенел...»²⁸) и окна.

Как утверждает Ляпина, тема петербургских окон, вошедшая в русскую поэзию на рубеже XVIII и XIX вв., остается продуктивной и в современной лирике. Она участвует в формировании сквозного сюжета о Петербурге, позволяя уловить не только меняющийся облик города, но и аксиологические смещения в пространстве авторской поэтической мысли²⁹. Но если для допушкинского периода характерна традиция живописания окна в качестве знака идеального петербургского хронотопа, так начиная с середины 1820-х годов мотив окна используется поэтами для создания драматизированного, внутренне противоречивого образа города³⁰. В дальнейшем отличительной чертой петербургских окон в лирике станет их непрозрачность, затрудненность взгляда через них (ср. у Некрасова).

В петербургской лирике Кушнера окно чаще всего выступает как самоценная вещь, важнейший элемент петербургского предметного мира. Мотив окна вводится поэтом в стихотворения с эллегически-медиативной тематикой и тональностью, в которых лирический герой размышляет о жизни, ее смысле, ее мимолетности. По контрасту с предыдущей литературной традицией лирический герой Кушнера способен разглядеть через окно – и сад, и Марсово поле с персидской сиренью, и Мойку, и Невку (ср. стихотворение *Окна*, 1986). В одном из стихотворений последнего сборника *Вечерний свет* (2013) читаем:

²⁷ Интересно, что у Кушнера мифопоэтика города может всплыть даже в стихотворениях, внешне не связанных с Петербургом. См.: А. В. Кулагин, «Я в этом городе провел всю жизнь свою...», с. 13–15; 26.

²⁸ А. С. Кушнер, «Чего действительно хотелось...».

²⁹ Л. Е. Ляпина, *Мир Петербурга в русской поэзии...*, с. 71.

³⁰ Там же, с. 64.

Я в окно посмотрел: что за благодать!
Солнце, дерево, в листья зарылся ветер [...]»³¹.

Здесь доминирует, как и в большинстве стихотворений Кушнера, личное восприятие города. За внешними деталями городского пейзажа всплывает второй – бытийный план. Лирическое «Я» внушает мысль о самоценности жизни как таковой, со всеми ее мелочами.

Наравне с деталями городской архитектуры сквозным мотивом кушнеровской лирики является ландшафт – городской, пригородный. К наиболее частотным петербургским природным топонимам принадлежат, сады и парки с их богатой растительностью, например, Летний или Таврический сады. Последний является лейтмотивом лирики Кушнера, посвятившего ему в разные годы несколько стихотворений (в том числе и название книги стихов)³².

В стихотворения Кушнера входят однако не только знаменитые сады, но и те совсем «невзрачные» (ср.: «Люблю невзрачные сады // На скучных улицах убогих...»³³). Поэта вообще более чем официальный привлекает Петербург личный, свой, интимный³⁴. В его изображении доминирует отдельные детали ландшафта (деревья, кусты, цветы). Городской пейзаж и его составляющие обретают собственное значение для лирического героя, его ощущения города и мира в целом. Это, в свою очередь, связано с личностным переживанием города как части собственной жизни³⁵.

Среди других природных топосов Петербурга, довольно часто присутствующих в лирике Кушнера, стоит отметить пригородные парково-дворцовые комплексы Царское Село, Павловск и др.³⁶

Названные знаковые реалии, опорные для Петербургского текста в целом, обогащены множественными контекстуальными ассоциациями. В художественной картине мира поэта Петербург, как устойчивый локус его лирики в целом, становится особым сюжетом культуры. Город насыщен различными символами, наполнен традицией русской литературы, которой

³¹ А. С. Кушнер, *Вечерний свет: Стихотворения*, Санкт-Петербург 2013, с. 56.

³² См.: А. В. Кулагин, «Я в этом городе провел всю жизнь свою...», с. 113–118; Стихотворение *Таврический сад*, по мнению Ляпиной, – «средоточие поэтического мира» поэта, в котором аккумулированы «кушнеровские» и вообще петербургские мотивы – снега, сада, моря, творчества см.: Л. Е. Ляпина, *Мир Петербурга в русской поэзии...*, с. 126–137.

³³ А. С. Кушнер, «Люблю невзрачные сады...», «Знамя» 2006, № 1, <http://magazines.russia/znamia/2006/1/ku3-pr.html> [режим доступа: 20.12.2014].

³⁴ См.: А. В. Кулагин, «Я в этом городе провел всю жизнь свою...», с. 46.

³⁵ Эта тенденция характерна для современной поэзии в целом – см. об этом: Л. Е. Ляпина, *Мир Петербурга в русской поэзии...*, с. 78.

³⁶ О поэтическом восприятии Кушнером пригорода см.: В. Н. Топоров, *Из истории петербургского аполлинизма: его золотые годы и его крушение (гл. IX «Павловско-аполлоновский текст русской поэзии – от Державина и Нелединского-Мелецкого до Ахматовой, Мандельштама и Кушнера)*, [в:] он же, *Петербургский текст русской литературы...*, с. 229–234.

поэт постоянно следует и о которой помнит³⁷. В хронотопы его стихотворений более или менее эксплицитно входят имена петербургских классиков (Пушкина, Гоголя, Достоевского), знаковые топосы, закрепленные в литературной памяти (место гибели Пушкина, названия улиц и переулков из романов Достоевского – «достоевские места»), выстраивается знакомый ряд трагических петербургских сюжетов (из *Медного всадника*, *Шинели*, *Преступления и наказания*).

Историко-культурный мир Петербурга, по точному замечанию Кулагина, лирически обжит, пропущен через биографию и душу лирического героя. Для него искусство Петербурга, в самых разнообразных своих проявлениях, не совокупность музейных экспонатов, а «почва и судьба»³⁸.

Анализ выбранных составных Петербургского текста русской литературы в лирике Кушнера дает основания констатировать, что поэт, с одной стороны, вполне вписывается в предшествующую ему литературную традицию, с другой – стремится ее преодолеть. Ориентация на сложившуюся традицию выражается, во-первых, в сохранении основных констант сверхтекста, во-вторых, в наличии интертекстуальных элементов (напр., цитат, аллюзий, реминисценций). Вместе с тем наблюдается поворот петербургской темы³⁹, а именно новый подход к трактовке образа города на Неве.

Разработанный Кушнером поэтический образ Петербурга не только дополняет и расширяет созданный в русской литературе вариант Петербургского текста, но и существенным образом трансформирует его. Своеобразие репрезентации Петербурга в лирике Кушнера заключается в особом отношении, переживании города. Это, в свою очередь, связано с личностным переживанием города как части собственной жизни⁴⁰. С временем город ощущается Кушнером все более гармонично, город и лирический герой необходимы друг другу⁴¹. Все это делает лирику Кушнера заметным явлением/субтекстом в системе Петербургского сверхтекста. Это голос современного поэта-петербуржца о своем городе.

³⁷ См.: А. И. Ашеулова, *Русская поэзия второй половины XX века: имена и мотивы*, Кемерово 2007, с. 57–58.

³⁸ См.: А. В. Кулагин, «Я в этом городе провел всю жизнь свою...», с. 107.

³⁹ См. об этом: А. В. Кулагин, «Я в этом городе провел всю жизнь свою...», с. 4.

⁴⁰ См.: Л. Е. Ляпина, *Мир Петербурга в русской поэзии...*, с. 78.

⁴¹ Там же, с. 94; А. В. Кулагин, «Я в этом городе провел всю жизнь свою...», с. 56.